

”Старина” в культурной памяти латвийских староверов

[Тезисы]

Понятие *староверие*, которое латвийские староверы наиболее последовательно использовали в дискуссиях и публикациях 1920-х – 1930-х годах (и которое употребляется в текстах современных авторов-староверов), этимологически связано с акцентуацией *старинности*, древности веры (староверие < *старая вера; Древлеправославие*). Содержание этого понятия формировалось главным образом в православном богословском дискурсе XVI – XVII веков и отражает процесс концептуализации особого варианта русского православия. Укрепление автокефалии Русской православной церкви происходило в сложной культурной конфронтации с греческой православной традицией. С этой точки зрения, схизма середины XVII века в Русской православной церкви может рассматриваться не только как внутрицерковный конфликт, но и как более глубокий культурный конфликт, вызванный различными культурными идеалами.

С пониманием *старины* в контексте религиозной практики и культуры повседневности связан основной круг вопросов в спорах вокруг реформ, проводившихся в Русской церкви в середине XVII века. Критерий *старинности* был одним из основных аргументов патриарха Никона, стремившегося вернуться к «древнему» греческому образцу церковного ритуала. Исправление богослужебных книг (*книжная справа*, 1640 – 1660-е годы) также было ориентировано на согласование славянского перевода с греческим текстом, по возможности с использованием тех же лингвистических средств, что и в оригинале. Вопрос о соблюдении *заветов русской старины* был одним из главных в полемике противников реформ с «никонианами»: главное возражение сторонников *Старой веры* было связано с явным противоречием проводимых Никоном реформ авторитету русской церковной традиции. Стремление реставрировать *русский* идеал благочестия в середине XVII века было ответной реакцией на *смутные времена*, принесшие дестабилизацию в сфере как политической, так и религиозной жизни. В этом аспекте важной являлась деятельность *кружка ревнителей благочестия* (1645 – 1652), близкого придворным кругам царя Алексея Михайловича. Входившие в кружок Иоанн Неронов, Аввакум, Лазарь, Даниил, попавшие в Москву из провинции, видели себя наследниками истинно русской традиции, хранителями *русской святости*.

Старина как *наследие русской святости*, как критерий истинности веры (жить по «заветам предков») остается центральным мотивом дискуссий как внутри староверия, так и между староверами и «новообрядцами». В первой половине XX века, в особенности после манифеста 1905 года, а в Латвии и весь межвоенный период, *собрание старины* становится главным ценностным вектором деятельности активных староверов и староверческих общественных организаций, направленной на сохранение традиции и ее продолжение в опыте подрастающего поколения. Характерная для латвийских староверов-беспоповцев (как поморцев, так и федосеевцев) автономизация общин на протяжении первой половины XX века постепенно преодолевалась стремлением к восстановлению ектесиальной полноты, не только сохраняя коллективную память о *древлеправославии*, уходящем корнями в опыт истинной веры предков (в случае поморского согласия – опосредованный выгорецкими пустынножителями), но и формируя деятельную общину верующих.

Собрание старины в опыте латвийских староверов межвоенного периода происходило на нескольких условных уровнях: 1) на уровне религиозной практики: сохранение чина богослужения, знаменного пения, продолжение традиционных практик книжников и начетничества (пополнение книжниц общин, составление рукописных полемических сборников), иконописи, 2) на уровне рефлексии собственной традиции: соборное обсуждение вопросов сохранения и передачи наследия предков, собрание этнографического, археографического и фольклорного материала (например, деятельность Кружка ревнителей русской старины и его филиалов, Певческого старообрядческого общества в Латвии), периодические издания (например, журнал «Родная старина», 19127 – 1933), 3) на уровне институционализации религиозного просвещения: отбор и стандартизация необходимых знаний о *заветах предков*, кодификация опыта традиционных практик религиозного воспитания в новых текстах (в широком понимании этого термина). Во всех случаях принадлежность или приписывание к *старине* оставалось важным критерием истинности веры, соблюдения каноничности, правильности выбора.

В коллективной памяти латвийских староверов опыт межвоенного периода стал своего рода *местом памяти* (термин Пьера Нора), к которому возвращаются современные староверы, видя себя продолжателями как своих непосредственных предков (например, созыв соборов, восстановление работы «Старообрядческого общества в Латвии» 1908 – 1940, 1994 – наши дни, деятельность Старообрядческого общества им. И.Н. Заволоко (1997 – наши дни), издания, продолжающие серии межвоенного времени – журнал «Наставник» (1937, возобновлен 2008), Старообрядческий церковный календарь, в разной редакции – с 1927 г. по наши дни), так и хранителями материальных и нематериальных культурных ценностей, являющихся частью культурной памяти всего русского меньшинства в Латвии.